

Я – о Ней

И Станиславский бы поверил

«Это вы про Амалию? Мордвинову? Она – с обнаженной грудью перед самим Марком Захаровым предстала? Не верю!..»

А почему, собственно, не верю? Только потому, что мне она «явилась» в ином образе: серьезная, рассудительная, уверенная в своем порой расходящемся с общепризнанным мнении, – одним словом, очень правильная? Но видела же я, видела вспыхивавший

вдруг «чумной» блеск в глазах, мелькавшее иногда лукавство, чувствовала готовую «вынырнуть» в любой миг непредсказуемость, решительность, отвагу.

Кстати, именно «за отвагу, а не за бюст» и пригласил ее Марк Анатольевич работать в Ленком после того знаменательного капутника, когда Амалия от имени студентов Щукинского училища вышла неглиже – по сценарию – поздравлять мэтра с юбилеем.

Она умеет быть разной: величественной и знающей себе цену королевой – на сцене, а в жизни – бесшабашной, въезжающей в магазин за покупками на роликовых коньках Пеппи Длинныйчулок; скучающей мешаночкой – женой доктора – в фильме «Вор» и провинциалкой Нинкой, приехавшей завоевывать столицу (наяву Мордвиновой это уже удалось), из нового телевизионного сериала «Самозванцы». Романтичной мо-

Последние секунды перед «стартом». Ролики – не роскошь, а передвижение с удовольствием.

«Королевские иги» Амалии Мордвиновой и Александра Лазарева. Виват, Королева!

лоденоккой девчонкой, рисующей (чтобы никто не мог прочесть) в дневнике свои мысли, пишущей трогательные стихи и лирические карандашные картины, совершенно серьезно «разговаривающей» с океаном («он же – живой, он – интересная личность»), – и деловой женщиной, день которой расписан по минутам: пластика, вокал, бассейн, съемки, спектакли. Она может быть примою Амалией Мордвиновой, буквально ворвавшейся в театральный мир и сразу покоровшей режиссеров, критиков, зрителей, – и нежной, заботливой дочерью Лялькой, регулярно отсылающей маме в Вологду – с проводником – посылки-сюрпризы.

И в каждой «роли» – убедительна, искренна. Нет у нее грани между театром и жизнью. Она – Актриса. Жизнь для нее – большая сцена, а сцена – ее жизнь.

Ей невозможно не верить, какой бы она ни была в эту минуту. Наверное, это и есть реальное «лицо» абстрактного слова – «талант». Поймала себя на том, что при моей любви к спорам, слушая ее, соглашалась со всем, что она говорит. Так ненавязчиво убеждает она в своей правоте, так тонко помогает взглянуть на мир ее глазами. Лишь дома я поняла, что о многом думаю совсем иначе. За-вораживает она, что ли?

О жизни сцены и о сценах

Амалия рассказывала о чем-то, а я, словно настоящий зритель, видела все «вживую». Ее родители, даже после развода оставшиеся дружными и не озлобленными друг на друга. Романтичная мама, вернувшись из вологодского ТЮЗа, где работает заведующей педагогической частью, «посвящает ребятишек в тайны сценической жизни», садится за фортепиано и – па-па-па-пам – играет классику. И я действительно слышу Баха.

В другой комнате серьезный, строгий папа-«боровичок», военный инженер, берет в руки гармонь и – у-у-ух – протяжные переливы. А на кухне худенькая рыжая Лялька под общую какофонию страдает над неподдающейся химией.

Перерыв в «творчестве» – все хватают клизмы, и с диким хохотом носятся по квартире, норовя как можно точнее пулнуть в другого водяной струйкой, под восторженный лай всеобщего любимца пса Рафика и жалобное мяуканье все время попадающего под чьи-то ноги кота Персика. Готовый сюжет для фильма. Зря Амалия не решилась поступать на режиссерский.

Скажи кто-нибудь тогда этим веселым людям, что они «поливают» без пяти минут обладательницу приза «Хрустальная Турандот» за лучший сценический дебют в спектакле Театра имени Ленинского комсомола «Королевские игры» и лауреата Государственной премии Амалию Мордвинову, они бы не поверили. Как не поверил и пожилой дядечка в метро, когда она, гордая сверкающей на груди медалью, ехала из Кремля. «Чего это у тебя за медалька?» – «Госпремия». – «Я же тебя серьезно спрашиваю, а ты... Актриса!» – обиделся старичок. Это был ее первый актерский «прокол». Впервые она оказалась неубедительна. Впрочем, понятно, ведь обычно до такой

«роли» «дорастают» уже в зрелые годы. Мордвинова стала самой молодой женщиной – лауреатом высшей награды страны.

От мечты – к Мечте

Когда удачно, а тем более так стремительно и звездно складывается судьба, некоторые говорят: «О другой профессии я никогда и не мечтал».

Она мечтала быть врачом-дефектологом, «открывать мир детям-инвалидам». Родители обеими руками – «за». Папа считал, что это настоящая профессия: постоянный оклад, неполный рабочий день, так что будет оставаться время на семью, а в крайнем случае подработать успеешь. И дело благодарное.

У мамы – самое большое желание, чтобы у Ляльки был свой теплый, уютный кабинет, с ковриком, с цветочками на подоконниках, где можно ходить в тапочках и белом халатике. Намыкались родители в вечных переездах по городам и весям, куда отца направляли по службе. Всю жизнь – на чемоданах. Мама вечно мерзла, работая то в холодном мраморном театре, то в не протопленных музыкальных школах разных сел с чудными названиями. Не говоря уж о годах, прожитых в суровом Южно-Сахалинске, где и родилась Лялька.

... Но талант ведь дается свыше. Может, не случайно мама назвала дочку в честь своей лучшей подруги – Амалией. В переводе с древнееврейского – «имя, данное Богом».

Амалия тоже каждый новый переезд воспринимала как стихийное бедствие. Устала мотаться. Но в Москву собралась быстро и неожиданно для родных, вернее, для матери. «Ну, да ладно, поезжай, в случае чего, на бухгалтера переучишься», – напутствовала мама. Отцу она побоялась «открыться» по поводу своих планов на будущее – не одобрил бы. Он всегда считал актерскую жизнь богемной. С медициной Амалия решила повременить: с химией и биологией у нее – беда. Завалит экзамены.

Будь что будет – поехала. Она ни на что не надеялась, просто была уверена: все – к лучшему. По этому принципу всегда жила. А вдруг поступит на режиссерский? Ставила же в школе «Огоньки», КВНы: придумывала, организовывала, играла. Даже драматургом была – сочинила для подшефных пятиклассников гре-

ческую трагедию. Ее ценили в классе как самую способную. И спеть могла, и сплясать, и стенгазету оформить, и развеселить любого. А не возьмут в режиссеры – станет врачом, как и хотела.

От режиссуры она сама отказалась: увидела список художественной литературы, который надо прочесть к вступительным экзаменам – ахнула. Нет, не потянет. Но уж коль все равно в Москву поехала, решила рискнуть поступить в «Щуку», на актерский. Взяли!

«Отвага в глазах» внезапно определила и ее дальнейшую жизнь, карьеру. Она училась на третьем курсе, когда Марк Захаров пригласил ее попробоваться на главную роль в «Королевских играх». Теперь Амалия Мордвинова занята во всех премьерных спектаклях Ленкома, ее снимают в кино, недавно дебютировала как поэтесса в журнале «Каприз». Даже вести передачу про животных звали. «Кажется, вы должны очень любить зверей, вид у вас добрый», – говорят.

Судьба «сделана», «искра божья» не пропала даром. Что же дальше?

Она – о себе

«Могу быть Бабой-Ягой»

Кто сказал, что театр умер? Ходят люди на спектакли, ходят. Я даже друзьям иной раз не могу билеты к нам достать. Театр не должен становиться религией, в него не должно совершаться паломничество. Раньше он был единственной отдушиной, где между строк выуживали то, о чем говорить вслух не разрешалось. Сегодня на хорошие постановки приходят, потому что любят, потому что нравятся, потому что интересно.

Мне кажется, мама мечтала сбылась: я нашла для себя самый уютный, самый теплый и приятный «кабинет» на свете – сцену. Она мне и работа, и праздник, и дом. Другого дома у меня пока нет. Даже прописаться в Москве недосуг, хотя уже семь лет в столице. Не лень, а просто поход по инстанциям для меня – катастрофа. Силы, время, нервы... А где это все взять? Сейчас живу в квартире, которую мне уступил бывший муж. Хороший человек, но не сложилось у нас с ним, остались друзьями. Как же я мечтаю о своем доме! Чтобы сковородочки, чайнички, соковыжималки – мои! Обожаю бытовую технику, нажимаю себе кнопки. Не могу проходить мимо мебель-

ных и хозяйственных магазинов – сердце замирает. Там продается то, из чего состоит уют, а значит, душевное равновесие каждой женщины.

Какой я ремонт сделаю на том пространстве, которое когда-нибудь попадет мне в руки! Не евро, а космический. Ни один дизайнер в мире не сотворил бы такого. Сделаю готический зал в стиле русский модерн.

Порядок у вещей будет свой. Я не зануда, не стану ходить с тряпкой, собирая пылинки. Лишь бы комфортно было. Тогда и гостей можно принимать. Я не пью, не курю, разгульный образ жизни не веду (актер всегда должен быть свежим, в хорошей форме), но иногда надо себе позволять немного повеселиться, общение необходимо.

На своей кухне с удовольствием варила бы грибной суп, борщ. Очень люблю. Только времени не хватает готовить. Последние годы живу на бутербродах с сыром и оливках, на шпигованных лимоном. Мясо не ем. У него же недавно было «лицо». А вот у курицы и рыбы, похожему, «лиц» нет. Впрочем, их я тоже редко ем.

Дети женщине нужны. Особенно актрисе. Это – стимул. Не верю, когда говорят: малыша иметь не надо, чтобы сохранить фигуру, что сцена и пеленки несовместимы. У Дайаны Росс три девочки, а она – и звезда, и фигура прекрасная. Ребятишки меня любят, из всей компании всегда выбирают и тайны свои поверяют. Я с соседским мальчишкой «подруживаю». Но, честно говоря, боюсь детей. Когда на улице мальчишки мне кричат: «Тетенька, подкинь мячик!», не знаю, ни как этот мяч пнуть, ни что им ответить. Дети – миры. Рождаясь, они уже все понимают. Родители должны просто помочь им стать крылатыми, свободными, творческими, счастливыми и уберечь, по возможности, от случайной боли. А как это сделать? Я пока не знаю. Рожать все же лучше после тридцати, когда уже сама что-то узнала о жизни. И человека надо найти такого, с кем долгие годы сможешь прожить, поделиться самым-самым. Я его еще не встретила. Вообще все время болезненно ишу друзей, «собираю» их, боюсь обидеть, потерять. Но жизнь так стремительна, что порой не успеваешь понастоящему рассмотреть тех, кого встречаешь на пути. Да и сомневающийся я человек. Не в людях – в себе.

Сейчас моя отрада – афганская борзая Брик. После спектакля бе-

гу домой, и мы гуляем с ним по ночам. А мысли поверяю – дневнику.

Еще люблю море. Я Скорпион. Тонула, правда, недавно, в Израиле. Что-то морю во мне не понравилось. Но ничего, потом мы с ним договорились по-хорошему.

Я никогда не ропщу на жизнь. Если случаются огорчения – значит так нужно. И что роптать? Меня заметили, пригласили, оценили. Я работаю с такими великолепными актерами, как Александр Лазарев, Михаил Ульянов, Игорь Костоловский, Вера Глаголева, с теми, кто тебя слышит, понимает, отвечает. Сначала было трудно выходить на сцену, не верила в себя, сомневалась, что что-то получится. Они мне помогли.

Снимаюсь в кино, пусть и в эпизодических ролях, у замечательных режиссеров. Стихи и пение – это, конечно, шуточки. Рисую тоже только для себя, когда хочется. Я – за профессионализм во всем. Актёр не может быть кем угодно – политиком, банкиром, бизнесменом. Он должен хорошо играть. Потому и режиссурой пока не пытаюсь заниматься. Режиссер не профессия – призвание. Это – бог. В него нельзя «переквалифицироваться», как многие наши актеры, это – состояние души, которое или придет когда-нибудь, или нет. Всему необходимо учиться. Я хочу танцевать – каждое утро бегу в цирк на занятия по пластике, надо по роли петь – беру уроки вокала. Жаль на хореографию времени не остается. Я посмотрела шоу на Бродвее – высший класс! Драматизма в игре мало, зато профессионализм отменный.

А будь я режиссером, ставила бы детские сказки. Почему о них забыли? Фантазии, видимо, не хватает. Прекрасная же тема. Я бы и Бабую-Ягу с удовольствием сыграла, она же не вразвешенная.

И еще у меня есть одна давнишняя мечта: хочу вывезти маму отдохнуть на теплые моря. Она никогда не была за границей. Думаю, у нас с ней это скоро получится...

У нее получится. Все, что задумала. Еще есть молодость, энергия, желание. Уже есть имя. И то, что есть и будет всегда талант. Госпремии просто так не дают. Мордвинова – не героиня одной роли, она – Актриса.

Наталья МИХАЙЛОВСКАЯ

Фото Виктора Горячева
и Александра Стернина